

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОТМЫВАНИЮ ДОХОДОВ, КОРРУПЦИИ И ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Научная статья
УДК 338

Статья поступила в редакцию 09.03.2026;
одобрена после рецензирования 20.04.2026;
принята к публикации 30.04.2026.

Теневая экономика в агропромышленном комплексе: специфика проявления и направления противодействия

Наби Далгатович Аварский¹, Сергей Константинович Клещев²

¹ Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства, Москва, Россия

² Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация:

Введение. В агропромышленном комплексе граница между легальной деятельностью домохозяйств, неформальной занятостью и теневой активностью размыта сильнее, чем в других секторах экономики. В результате возникают промежуточные, полуполезальные и социально приемлемые формы неформальной активности, которые характеризуются низким уровнем оплаты труда, сезонным характером трудовых отношений и территориальной рассредоточенностью. Цель статьи – эмпирическая оценка влияния теневой активности в агропромышленном комплексе на отраслевую структуру валового регионального продукта, а также определение ключевых приоритетов формализации экономических отношений с учетом уровня цифровизации взаимодействия органов государственной власти и сельхозпроизводителей. **Методы.** Эмпирическая база исследования сформирована на основе официальных региональных статистических данных Федеральной службы государственной статистики и Федеральной налоговой службы по субъектам Российской Федерации по данным 2024 года. Используются две взаимодополняющие спецификации регрессионных моделей. В первой оценивается влияние доли агропромышленного комплекса в валовом региональном продукте (далее – ВРП) как основного объясняющего фактора с помощью линейных уравнений парной регрессии. Во второй анализируется влияние композиции отраслевой структуры ВРП, где в уравнение регрессии включаются доли всех отраслевых комплексов одновременно. **Результаты.** Неформальная активность, вызванная компенсационными эффектами, должна формализовываться через минимальные издержки входа и иные стимулирующие инструменты, тогда как противодействие росту масштабов теневой экономики, обусловленной уклонением от уплаты налогов, целесообразно осуществлять через процедуры контроля и роста трансакционных издержек нарушителей законодательства. В краткосрочном периоде приоритетом должно стать сегментирование сельхозпроизводителей и запуск для них программ формализации, использование инструментов риск-ориентированного контроля и применение жестких санкций к системным нарушителям. В долгосрочном периоде необходимо снижение издержек формализации для микробизнеса, интеграция цифровых контуров прослеживаемости с налоговым и трудовым администрированием, расширение кооперации и консультационной поддержки в режиме реального времени.

© Аварский Н. Д., Клещев С. К., 2026

Ключевые слова:

теневая экономика,
неформальная занятость,
риск-ориентированный
контроль,
цифровое взаимодействие

Для цитирования:

Аварский Н. Д., Клещев С. К. Теневая экономика в агропромышленном комплексе: специфика проявления и направления противодействия // *Экономическая политика и национальная безопасность*. 2026. № 2 (4). С. 6–18.

Информация об авторе:

Аварский Н. Д. – доктор экономических наук,
член-корреспондент Российской академии наук
Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития
сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский
институт экономики сельского хозяйства
(Российская Федерация, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, д. 35, корп. 2)
ученый секретарь,
заведующий отделом маркетинга и развития продуктовых рынков
science@vniiesh.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3189-1179>
Клещев С. К. – кандидат экономических наук
Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
(Российская Федерация, 117292, г. Москва, ул. Тверская, д. 11)
помощник Министра
sk.kleshev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3706-2933>

COMBATING MONEY LAUNDERING, CORRUPTION AND THE SHADOW ECONOMY

Original article

The article was submitted March 09, 2026;
approved after reviewing April 20, 2026;
accepted for publication April 30, 2026.

The shadow economy in the agricultural sector: specific manifestations and strategies for countering it

Nabi D. Avarsky¹, Sergey K. Kleshev²

¹ Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics, Moscow, Russia

² Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract:

Introduction. In the agricultural sector, the distinction between legal household activities, informal employment, and activities in the shadow economy is less clear than in other sectors of the economy. This results in intermediate, semi-legal and socially acceptable forms of informal activity characterised by low wages, seasonal employment and geographical dispersion. **The purpose of the article** is to provide empirical evaluation of the impact of shadow economy activity in the agro-industrial complex on the sectoral structure of gross regional product. In addition, the article also aims to

identify key priorities for formalising economic relations, taking into account the level of digitalisation in interactions between government authorities and agricultural producers. **Methods.** The empirical basis of the study is drawn from official regional statistical data from the Federal State Statistics Service and the Federal Tax Service for the constituent entities of the Russian Federation, based on figures from 2024. Two complementary specifications of regression models were used in the study. In the initial analysis, it is used linear paired regression equations to assess the impact of the share of the agro-industrial complex in gross regional product (GRP) as the primary explanatory factor. The second analysis examines the impact of the composition of the sectoral structure of GRP, incorporating the shares of all sectoral complexes in the regression equation simultaneously. **Results.** Informal economic activities driven by compensatory effects should be formalised through minimal entry costs and other incentive mechanisms. Countering the growth of the shadow economy caused by tax evasion is best achieved through control procedures and increased transaction costs for those who break the law. In the short term, the priority should be to segment agricultural producers and launch formalisation programmes for them, using risk-based control tools, and impose strict sanctions on repeat offenders. It is imperative that, in the long term, measures be taken to reduce the costs of formalisation for micro-businesses. Moreover, there is a need to integrate digital traceability systems with tax and labour administration, and to expand cooperation and real-time advisory support.

Keywords:

shadow economy,
informal employment,
risk-based supervision,
digital interaction

For citation:

Avarsky, Nabi D., and Sergey K. Kleshev. 2026. "Tenevaya ekonomika v agropromyshlennom komplekse: specifika proyavleniya i perspektivy protivodejstviya" ["The shadow economy in the agricultural sector: specific manifestations and strategies for countering it"] (In Russ.). *Ekonomicheskaya politika i natsional'naya bezopasnost'* [Economic policy and national security] 4, no. 2 (May):6–18.

Information about the authors:

Avarsky N. D. – Doc. Sci. (Econom.),
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development
of Rural Areas – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics
(35, build. 2, Khoroshevskoe high., Moscow, 123007, Russian Federation)
Scientific Secretary,
Head of the Department of Marketing and Development of Food Markets
science@vniiesh.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3189-1179>
Kleshev S. K. – Cand. Sci. (Econom.)
Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
(11, Tverskaya str., Moscow, 117292, Russian Federation)
Assistant Minister
sk.kleshev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3706-2933>

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «неформальность» появилось в 1971 году при изучении экономической активности в странах африканского континента:

– К. Харт ввел понятие «возможности неформального дохода», анализируя ситуацию в Гане (Hart 1973);

– в докладе международной организации труда (далее – МОТ) «О Всемирной программе занятости в Кении»¹ было введено многокритериальное определение неформального сектора.

Концепция К. Харта сосредоточилась на личности и стала основой для множества социологических и антропологических исследований в Африке и других развивающихся странах. В Латинской Америке, в частности, это повлияло на проведение регулярных обследований рабочей силы, которые начали измерять так называемую маргинализацию работников на основе оценки заработной платы ниже минимального уровня и бедности (Hart 1973). В результате понятие «работающие бедные» было дополнено термином «неформальные работники».

В данных подходах государство рассматривается как центральная причина появления неформальной экономической деятельности, т. к. «зарождающийся капитализм, поддерживаемый новыми независимыми государствами, имел внутреннюю потребность в таком трудовом резерве / излишке» (Dell'Anno 2016). Также утверждается, что «частная инициатива блокируется барьерами, созданными государством» (De Soto 1989(a)). Первый взгляд на роль государства был основан на марксистской теории трудового резерва /излишка и сосредоточен

¹ Employment, incomes and equality: A strategy for increasing productive employment in Kenya // International Labour Organization : [website]. URL: https://labordoc.ilo.org/discovery/delivery/41ILO_INST:41ILO_V2/1286975300002676 (дата обращения: 28.02.2026).

на маргинализированных слоях населения (De Soto 1989(b)). Вторая точка зрения акцентирует внимание на так называемом «верхнем уровне» или предпринимателях, которые играют основную роль в неформальной активности (Латов 2007).

Следует учитывать, что экономическую деятельность не всегда следует рассматривать как незаконную только потому, что она не соответствует официальным правилам. Например, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) признает, что неформальная деятельность «не обязательно осуществляется с преднамеренным намерением уклониться от уплаты налогов или отчислений на социальное обеспечение или нарушить трудовое или другое законодательство или административные положения»². Это подразумевает, что отсутствие регистрации физического или юридического лица в налоговых органах является основным критерием для определения неформальности.

Классическое определение неформального сектора было принято в 1993 году и опиралось на подход, изложенный в докладе МОТ по Кении 1972 года и последующих исследованиях «современного» неформального сектора микропредприятий в странах Африки к югу от Сахары³. Позже оно было дополнено определением неформальной занятости, основанном на идеях К. Харта, появлении трендов увеличения экстернализации труда, а также характерном для процессов глобализации росте количества надомных работников и сезонных рабочих мест.

Данное определение относится к характеристикам экономических агентов, критерии которых включают (Андреева и Метелева 2014):

- правовой статус;
- отсутствие официальной регистрации экономической единицы или ее сотрудников;
- небольшое количество работников, в т. ч. нанятых или оплачиваемых сотрудников;
- наличие минимальных производственных мощностей.

Исходя из данных подходов, можно дать следующее определение: неформальная деятельность – это способ ведения дел, характеризующийся следующим:

- небольшими масштабами деятельности;
- использованием простейших технологий, не требующих больших инвестиций;
- низкой квалификацией рабочей силы;
- нерегулируемыми рынками (таблица 1).

Таблица 1

Основные отличия официального и теневого секторов экономики

Table 1

Key differences between the formal and shadow sectors of the economy

Критерий	Теневой сектор	Официальный сектор
Барьеры входа на рынок	Практически отсутствуют	Входные барьеры присутствуют и зависят от рынка
Доступность кредитных ресурсов и зависимость от них	Крайне низкий уровень доступа	Высокая зависимость от заемных средств
Обеспечение права собственности	Отсутствует	Реализуется в правовом поле
Возможность масштабирования хозяйственной деятельности	Практически отсутствует	Зависит от инвестиционной активности
Инвестиционная активность	Крайне низкая	Активно используются капиталоемкие технологии
Квалификация рабочей силы	Низкая	Высокая
Защита рынков и отечественных производителей	Отсутствует	Реализуется посредством тарифов, квот и т. д.

Источник: составлено авторами.

² Informal sector entrepreneurship: A policy briefing // European Commission : OECD : [website]. URL: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=13791&langId=en> (дата обращения: 28.02.2026).

³ URL: https://labordoc.ilo.org/discovery/delivery/4I1LO_INST:4I1LO_V2/1286975300002676 (дата обращения: 28.02.2026).

Главная особенность агропромышленного комплекса (далее – АПК) состоит в том, что граница между легальной деятельностью домохозяйств, неформальной занятостью и теневой активностью размыта сильнее, чем в других секторах экономики. Федеральный закон о личном подсобном хозяйстве прямо закрепляет, что личное подсобное хозяйство (далее – ЛПХ) является формой непредпринимательской деятельности по производству и переработке сельхозпродукции⁴. Иначе говоря, в аграрной сфере существует значительный массив хозяйственной активности, который не является бизнесом в строгом смысле слова, но при этом может генерировать доход путем продажи части продукции на рынке, опираясь на семейный труд (Ткаченко 2019). Именно поэтому в АПК не все виды неформальной активности автоматически включаются в теневой сектор: они могут быть встроены в легальную модель самообеспечения и частичной продажи излишков. В других отраслевых комплексах такой промежуточной, полулегальной и социально приемлемой формы неформальной активности практически не существует.

В агропромышленном комплексе неформальная занятость возникает как результат сочетания ряда таких факторов, как:

- низкий уровень оплаты труда;
- сезонный характер трудовых отношений;
- территориальная рассредоточенность;
- семейный характер труда.

Для работников, занятых в сельском хозяйстве, низкий уровень оплаты труда и случайная занятость приводят к совмещению нескольких источников дохода, преимущественно без оформления по трудовому законодательству (Муханова 2018). Также следует учитывать, что использование личных подсобных хозяйств является механизмом выживания, который особенно актуален в условиях отсутствия рабочих мест, что также стимулирует частичное смещение трудовой активности из формального сектора в домашнее производство (Богдановский 2007). В этой связи в АПК неформальная занятость носит адаптационный характер, т. к. она компенсирует нехватку рабочих мест со средним и высоким уровнем оплаты труда и низкий уровень доходов, граничащий с прожиточным минимумом. Эту особенность теневой активности в сельском хозяйстве также следует учитывать, поскольку традиционные стимулы ухода в тень (например, снижение издержек за счет сокращения налоговой нагрузки) перестают играть главную роль.

В соответствии с этим цель статьи заключается в эмпирической оценке влияния теневой активности в агропромышленном комплексе на отраслевую структуру валового регионального продукта, а также в определении ключевых приоритетов формализации экономических отношений с учетом уровня цифровизации взаимодействия органов государственной власти и сельхозпроизводителей.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирическая база исследования сформирована на основе официальных региональных статистических данных Федеральной службы государственной статистики и Федеральной налоговой службы по субъектам Российской Федерации (данные 2024 года). В выборку включены те регионы, по которым одновременно доступны показатели неформальной занятости, валового регионального продукта и его отраслевой структуры, а также контрольные социально-экономические характеристики.

В качестве зависимой переменной использован уровень неформальной занятости в регионе, рассчитываемый как доля занятых в неформальном секторе в общей численности занятых. Выбор именно этого индикатора обусловлен тем, что Федеральная служба государственной статистики трактует неформальную занятость граждан как единиц, которые не зарегистрированы в качестве юридического лица. При этом в показатель включаются не только физические лица, для которых такая работа является основной, но и те, для кого она выступает дополнительным источником дохода. Следовательно, данный показатель можно использовать для сопоставительного межрегионального анализа влияния отраслевой структуры валового регионального продукта (далее – ВРП) на неформальную занятость.

⁴ О личном подсобном хозяйстве : Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2003. № 28. Ст. 2881.

Ключевыми объясняющими переменными выступают показатели отраслевой структуры ВРП. Поскольку валовой региональный продукт определяется как сумма валовых добавленных стоимостей всех производственных единиц региона по видам экономической деятельности, доли отдельных отраслей в ВРП могут интерпретироваться как структурные характеристики региональной экономики. Для целей исследования были рассчитаны доли основных укрупненных видов экономической деятельности в ВРП: аграрного сектора, добывающих производств, обрабатывающей промышленности, строительства, торговли, транспорта и связи, а также прочих услуг.

Особое внимание уделено показателю доли АПК в ВРП. В силу ограничений официальной региональной статистики АПК представлен в модели как раздел А ОКВЭД 2 «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство»⁵ в валовой добавленной стоимости региона. Это не позволяет охватить все звенья производства и реализации агропромышленной продукции, такие как переработка, логистика и торговля продовольствием, но позволяет получить сопоставимый по всем регионам индикатор, отражающий степень аграрной специализации территории.

Для исключения проблемы полной линейной зависимости между отраслевыми долями использованы две взаимодополняющие спецификации. В первой модели оценивается влияние доли АПК в ВРП как основного объясняющего фактора с помощью линейных уравнений парной регрессии. Во второй модели анализируется влияние композиции отраслевой структуры ВРП, где в уравнение регрессии включаются доли всех отраслевых комплексов одновременно.

Контрольные переменные включают показатели, которые также способны влиять на масштаб неформальной занятости независимо от отраслевой структуры региона. В базовую спецификацию были включены следующие переменные:

– уровень экономического развития региона, выраженный в показателе ВРП на душу населения;

– уровень безработицы;

– число малых предприятий на 10 000 чел. населения;

– уровень налоговой нагрузки.

Включение данных переменных позволяет отделить эффект отраслевой специализации от эффекта общего уровня социально-экономического развития регионов и влияния факторов, связанных с уклонением от уплаты налогов.

Оценивание моделей осуществляется методом наименьших квадратов с фиксированными эффектами по регионам, т. к. это позволяет контролировать неизмеряемые показатели, например, сложившуюся хозяйственную специализацию, качество администрирования и другие факторы, которые прямо или косвенно могут одновременно влиять и на отраслевую структуру, и на масштабы неформальной занятости. Все показатели приводятся к сопоставимому виду путем их стандартизации. Оценка уровня статистической значимости эконометрических моделей проводится с уровнем значимости $\alpha = 0,05$.

Для проверки устойчивости результатов в случае необходимости будет проведена отдельная проверка путем исключения регионов с аномальными выбросами по отдельным факторам, а также с высокой долей таких отраслей, как добыча полезных ископаемых и финансовый сектор, поскольку их уровень налоговой нагрузки, структуры субъектов бизнеса по организационно-правовым формам и масштабу бизнеса принципиально отличается от большинства других отраслевых комплексов.

Предлагаемая методика позволяет протестировать две гипотезы исследования:

– рост доли АПК в ВРП связан с более высоким уровнем неформальной занятости, поскольку аграрная специализация часто сопряжена с сезонностью труда, семейной занятостью

⁵ Общероссийский классификатор продукции по видам экономической деятельности (ОКПД 2) ОК 034-2014 (КПЕС 2008) (принят и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 31 января 2014 г. № 14-ст) (ред. от 23.01.2026) // Правовой сервис КонсультантПлюс : [электронное издание]. URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/70650730/paragraph/39211/doclist/1956/1/0/0/Общероссийский%20классификатор%20продукции%20по%20видам%20экономической%20деятельности%20%20ОКПД%20%20%20ОК%20034-2014%20%20КПЕС%202008:5> (дата обращения: 28.02.2026).

и большей распространенностью малых и не полностью формализованных хозяйственных единиц;

– отраслевая структура региональной экономики влияет на уровень неформальности, причем эффект различается по видам деятельности: строительство, торговля и сфера услуг могут усиливать неформальную занятость, тогда как более высокая доля капиталоемких отраслей, где преобладает крупный бизнес, способствует снижению масштабов теневой активности в субъектах Российской Федерации.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ Отраслевая структура экономического пространства Российской Федерации является неоднородной в силу объективных причин, что предопределяет высокий уровень социально-экономической дифференциации российских регионов. Субъекты Российской Федерации, где доля АПК превышает 15 % – это преимущественно небольшие по территории и численности населения регионы, расположенные большей частью в Центральном федеральном округе (Орловская и Брянская области). Следует отметить, что в Краснодарском крае, Ростовской области и Ставропольском крае удельный вес АПК в ВРП не превышает 14 %. При этом по абсолютным показателям производства продукции растениеводства и животноводства они остаются в лидерах (таблица 2).

Таблица 2

Описательные статистики отраслевой структуры ВРП по субъектам Российской Федерации

Table 2

Descriptive statistics on the sectoral structure of GRP by constituent entity of the Russian Federation

в процентах

Отрасль	Среднее	Медиана	Мода	Минимум	Максимум
Сельское хозяйство	8,29	6,38	3,06	0,00	31,07
Добыча полезных ископаемых	13,33	2,04	0,20	0,00	82,16
Обрабатывающие производства	16,71	16,32	3,26	0,11	50,71
Обеспечение электрической энергией, газом и паром	3,01	2,55	2,65	0,83	14,11
Водоснабжение и водоотведение	0,57	0,51	0,51	0,13	1,62
Строительство	6,10	5,30	4,39	1,92	18,59
Торговля оптовая и розничная	11,31	10,81	11,32	0,40	45,28
Транспортировка и хранение	6,92	6,02	7,04	1,94	19,84
Гостиницы и предприятия общественного питания	1,04	0,82	0,82	0,13	4,67
Информация и связь	1,94	1,84	1,94	0,19	9,29
Финансовая и страховая деятельность	0,24	0,20	0,31	0,02	1,72
Образование	4,26	3,98	4,28	0,72	15,12
Здравоохранение	3,90	3,77	4,18	0,58	8,46

Источник: составлено авторами по данным ЕМИСС⁶.

Оценка статистической значимости линейных уравнений парной регрессии, где в качестве зависимой переменной выступал показатель «Доля занятых в неформальном секторе экономики» показала наличие разнонаправленной связи. Ожидаемо прямая связь наблюдается с долей сельского хозяйства в ВРП и сферой услуг. При этом наличие такой связи с образованием противоречит общепринятому мнению, что чем выше уровень образования, тем меньше уровень теневой экономики. На наш взгляд, это связано с тем, что в структуре

⁶ Структура валового регионального продукта // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) : [официальный сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59450> (дата обращения: 28.02.2026).

неформальной занятости важную роль играют работники в возрасте от 15 до 25 лет. Следовательно, большое количество студентов в субъектах Российской Федерации создает дополнительное предложение на рынке неформальной занятости, что способствует росту масштабов теневой экономики (таблица 3).

Таблица 3

Спецификация линейных уравнений парной регрессии и оценка их адекватности

Table 3

Specification of linear paired regression equations and assessment of their adequacy

Отрасль	Коэффициент	P-value	F-критерий	R ₂
Сельское хозяйство	0,418***	0,0012	10,304	0,128
Добыча полезных ископаемых	-0,209**	0,0117	7,854	0,177
Обрабатывающие производства	-0,296***	0,0051	9,878	0,192
Обеспечение электрической энергией, газом и паром	-0,110	0,594	0,250	0,002
Строительство	1,594***	0,0014	14,258	0,212
Торговля оптовая и розничная	0,073	0,708	0,110	0,001
Транспортировка и хранение	-0,218	0,412	0,322	0,004
Гостиницы и предприятия общественного питания	4,209***	1,16e-5	28,167	0,262
Информация и связь	-0,667	0,307	0,514	0,005
Образование	2,209***	1,07e-8	581,460	0,427

Примечания: 1. * – коэффициент регрессии статистически значим на уровне $\alpha = 0,1$.
2. ** – коэффициент регрессии статистически значим на уровне $\alpha = 0,05$.
3. *** – коэффициент регрессии статистически значим на уровне $\alpha = 0,01$.

Источник: составлено авторами по данным ЕМИСС⁷.

Полученное уравнение множественной регрессии частично подтвердило результаты эконометрического моделирования. Специфика функционирования территориально-отраслевых комплексов, выраженная, например, в доле субъектов малого и среднего бизнеса, оборота наличных средств, возможностях воспользоваться специальными налоговыми режимами прямо коррелирует с масштабами теневого сектора экономики (таблица 4).

Таблица 4

Спецификация линейного уравнения множественной регрессии и оценка их адекватности

Table 4

Specification of linear multiple regression equations and assessment of their adequacy

Отрасль	Бета коэффициент	P-value	R ₂ скор	F-критерий
Сельское хозяйство	0,164**	0,040	0,607	22,157***
Добыча полезных ископаемых	-0,110	0,688		
Обрабатывающие производства	-0,156	0,329		
Обеспечение электрической энергией, газом и паром	-0,009	0,149		
Строительство	0,116	0,650		
Торговля оптовая и розничная	-0,133	0,307		
Транспортировка и хранение	-0,083	0,775		
Гостиницы и предприятия общественного питания	0,414***	0,002		

⁷ URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59450> (дата обращения: 28.02.2026).

Окончание таблицы 4

Отрасль	Бета коэффициент	P-value	Rзкор	F-критерий
Информация и связь	-0,152	0,077		
Образование	0,512***	0,0019		

Примечания: 1. * – коэффициент регрессии статистически значим на уровне $\alpha = 0,1$.
2. ** – коэффициент регрессии статистически значим на уровне $\alpha = 0,05$.
3. *** – коэффициент регрессии статистически значим на уровне $\alpha = 0,01$.

Источник: составлено авторами по данным ЕМИСС⁸.

Результаты эконометрического моделирования подтвердили, что при формировании мер по сокращению теневой экономики в АПК необходимо учитывать неоднородность самого объекта регулирования, которая проявляется в наличии трех основных групп хозяйствующих субъектов (Исаева 2019):

- личные подсобные хозяйства, ориентированные преимущественно на самообеспечение;
- мелкие товарные производители, регулярно реализующие продукцию собственного производства;
- коммерческие хозяйства и посредники, систематически использующие неоформленный труд, неучтенную выручку, а также серые схемы закупки или сбыта.

Российское законодательство прямо относит личное подсобное хозяйство к непредпринимательской деятельности, а значит, само по себе наличие ЛПХ не должно автоматически относиться к теневой активности. Существующие налоговые режимы позволяют ввести в правовое поле часть мелкого товарного производства. Например, режим «Налог на профессиональный доход» (далее – НПД) доступен тем, кто продает товары собственного производства без наемных работников при обороте до 2,4 млн руб. в год. В случае его превышения возможно использование режима «Единый сельскохозяйственный налог» (ЕСХН) со ставкой 6 % для крестьянских фермерских хозяйств (далее – КФХ), которую регионы вправе снижать до 0 %. При этом доходы членов КФХ от производства, переработки и реализации сельхозпродукции освобождаются от налога на доходы физических лиц на первые пять лет после регистрации хозяйства.

Наличие четко выраженного компенсационного эффекта теневой активности в АПК позволяет сделать вывод о том, что минимизация ее масштабов не должна строиться исключительно на ужесточении контроля. В связи с этим экономическая политика государства в части детеневизации должна учитывать два стратегических направления:

- с одной стороны, снижать издержки формализации за счет оказания ЛПХ и КФХ консультационной поддержки, предоставления налоговых льгот, субсидирования процентных ставок по кредитам и т. д.;
- с другой стороны, необходимо повышать трансакционные издержки субъектов, занятых в теневом секторе, путем повышения вероятности выявления фактов неформальной активности и уклонения от уплаты налогов.

Нормативная правовая база для использования такой интегрированной модели уже частично создана. В 2024 году Правительство Российской Федерации утвердило положение о межведомственных комиссиях субъектов Российской Федерации по противодействию нелегальной занятости⁹. Далее они были закреплены в ст. 65 Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации»¹⁰, а в 2025 году во всех субъектах Российской Федерации были утверждены региональные планы противодействия нелегальной занятости на 2025–2027 гг.

⁸ URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59450> (дата обращения: 28.02.2026).

⁹ Об утверждении Положения о создании и деятельности межведомственных комиссий субъектов Российской Федерации по противодействию нелегальной занятости : постановление Правительства Российской Федерации от 3 мая 2024 г. № 571 // СЗ РФ. 2024. № 19. Ст. 2532.

¹⁰ О занятости населения в Российской Федерации : Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // СЗ РФ. 2023. № 51. Ст. 9138.

В АПК внедрены цифровые системы прослеживаемости отдельных видов сельскохозяйственной продукции, которые могут стать основой для селективного контроля неформальной активности. Федеральная государственная информационная система (далее – ФГИС) «Зерно» создана для прослеживаемости партий зерна и продуктов его переработки¹¹, а в 2025 году был запущен эксперимент по цифровизации перевозок зерна¹². В сфере оборота продукции животного происхождения действует цифровой контур автоматизированной информационной системы (далее – АИС) «ВетИС» /«Меркурий»¹³, который предназначен для регистрации результатов ветеринарно-санитарной экспертизы и оформлением соответствующих сопроводительных документов. Это означает, что в ряде сегментов АПК государство уже располагает цифровыми инструментами контроля, который можно использовать для выявления теневой активности в рамках риск-ориентированного контроля. Их использование контролирующими органами государственной власти позволит селективно усилить административное давление на субъектов, занятых в неформальном секторе.

С учетом накопленного потенциала в сфере противодействия теневой экономике в АПК первоочередной задачей, требующей решения, должно стать разделение объектов регулирования.

Такая сегментация особенно важна именно для АПК, поскольку закон о ЛПХ прямо признает его непредпринимательский характер, а действующие налоговые режимы уже допускают мягкую формализацию части товарного производства (Лайпанова и Халкечев 2024).

Вторая мера носит комплексный характер и представляет собой создание «регионального маршрута формализации» для сельского микробизнеса. Его реализация требует создания единого регламента взаимодействия между региональными органами власти и муниципальными администрациями, налоговыми органами, многофункциональными центрами и центрами компетенций в АПК (Кондратьева и Слинко 2023). Практический эффект от данной меры должен состоять в том, чтобы субъекты микробизнеса в АПК имели четкое представление о наборе шагов в случае принятия решения о выходе из тени, а также о возможностях получения доступа к отраслевым цифровым системам и мерам государственной поддержки. Для среднего и крупного бизнеса основной акцент должен делаться на повышении транзакционных издержек в теневом секторе за счет повышения эффективности процедур контроля и мониторинга (таблица 5).

В качестве мер стимулирующего характера целесообразно использовать модель взаимодействия между государством и мелкими сельхозпроизводителями «формализация в обмен на доступ к преференциям». Государство уже выделяет значительные ресурсы на поддержку малых форм хозяйствования:

– в 2024 году гранты «Агростартап» получили КФХ из 82 регионов, средний размер гранта составил 3,8 млн руб.¹⁴;

– на системы поддержки фермеров и развития сельской кооперации в 2024 году было направлено свыше 9,1 млрд руб.¹⁵

¹¹ Федеральная государственная информационная система «Зерно» // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации (Минсельхоз России) : [официальный сайт]. URL: <https://mcx.gov.ru/ministry/departments/departament-ekonomiki-investitsiy-i-regulirovaniya-rynkov/industry-information/info-fgis-zerno/?ysclid=mnocyjas5q669734752> (дата обращения: 28.02.2026).

¹² Минтранс России запустил масштабный эксперимент по цифровизации перевозок зерна // Министерство транспорта Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11871?ysclid=mnoczw46d8934694043> (дата обращения: 28.02.2026).

¹³ Автоматизированная информационная система «Меркурий» // Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору : [официальный сайт]. URL: <https://mercury.vetr.ru/?ysclid=mnr4tjlsgh650917711> (дата обращения: 28.02.2026).

¹⁴ Представлен Национальный доклад о реализации Госпрограммы АПК в 2024 году // Минсельхоз России : [официальный сайт]. URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/predstavlen-natsionalnyy-doklad-o-realizatsii-gosprogrammy-ark-v-2024-godu/?ysclid=mnq4hjiyen605448930> (дата обращения: 28.02.2026).

¹⁵ Паспорт федерального проекта «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации» (приложение № 4 к протоколу заседания проектного комитета по национальному проекту «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» от 11.12.2018 г. № 4) // Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/pasport-federalnogo-proekta-sozdanie-sistemy-podderzhki-fermerov-i-razvitiya/> (дата обращения: 28.02.2026).

Таблица 5

Приоритеты формализации экономических отношений
в агропромышленном комплексе

Table 5

Priorities for the formalisation of economic relations in the agro-industrial complex

Субъект	Цель	Приоритеты формализации	Цифровые инструменты
ЛПХ, производящие продукцию для собственного потребления и эпизодически реализующие излишки	Повышение осведомленности о преимуществах формальной экономики	Консультирование и добровольная регистрация при выходе на рынок	– электронные инструменты предоставления информации в области налогообложения, социального обеспечения, трудового права; – онлайн-помощь и консультации в режиме реального времени
Рыночно ориентированные микропроизводители без наемных работников	Сокращение издержек администрирования при выходе из тени	Упрощенный переход на НПД или иные льготные режимы	– онлайн-регистрация налогоплательщиков; – электронные сервисы налогообложения для упрощения уплаты налогов
Хозяйства, использующие наемный труд и работающие через регулярные каналы поставки	Повышение риска обнаружения и усиление санкций	Полноценное налоговое, трудовое и отраслевое администрирование	– онлайн-проверки транзакций; – сбор, обмен и анализ больших данных; – селективные инструменты контроля

Источник: составлено авторами.

Необходимо встроить в правила отбора и продления поддержки критерии добросовестной легализации:

- наличие зарегистрированного статуса;
- оформление работников;
- использование допустимого налогового режима;
- участие в цифровых системах прослеживаемости там, где это требуется.

Следует отметить, что такая увязка должна происходить не мгновенно, а поэтапно, чтобы не отрезать от программ формализации тех, кто объективно не может первоначально справиться с резким ростом административной нагрузки. Для сокращения времени целесообразно ввести субсидирование издержек на первом этапе формализации, т. к. для большинства мелких сельхозпроизводителей главная проблема состоит не в размере налога как такового, а в стоимости организационного входа (получение электронной подписи, настройка цифровых сервисов, ведение бухгалтерского учета, подключение к отраслевым системам, оформление работников и т. д.).

Если учесть, что режим НПД освобождает от обязательств по ведению бухгалтерской отчетности, применения контрольно-кассовой техники и обязательных страховых взносов, то государство может получить заметный эффект уже в краткосрочном периоде с минимальными затратами. Например, можно ввести пакет стартового сопровождения при переходе из ЛПХ в НПД или из микропроизводства в КФХ.

ВЫВОДЫ С учетом имеющегося уровня цифровизации взаимодействия органов государственной власти и сельхозпроизводителей контроль в АПК должен быть не тотальным, а риск-ориентированным с акцентом на внедрение цифровых сервисов, снижающих издержки формализации и повышающих эффективность процедур мониторинга. Поскольку в зерновом и животноводческом контурах уже существуют системы прослеживаемости (Тимокова и Ильяхин 2023), целесообразно выстраивать межведомственную аналитику по принципу «цифровой след – налоговый след – трудовой след». Если сельхозпроизводитель регулярно проводит значительные объемы продукции через ФГИС «Зерно» или оформляет ветеринарные документы в АИС «Меркурий», но при этом не имеет сопоставимого налогового профиля,

а условия заключенных контрактов не гарантируют получения прибыли, то это должно становиться основанием для проведения детальных проверок.

Отдельного внимания заслуживает мониторинг сезонной занятости. Для АПК типичны краткосрочные периоды резкого роста спроса на рабочую силу, например, в периоды посевной или уборочной кампании (Минаков 2013). Именно в это время чаще всего наблюдается всплеск неформальной занятости, а оформление трудовых отношений откладывается или подменяется устными договоренностями. Муниципальные и региональные комиссии должны переходить к циклической модели контроля, когда профилактические меры активно используются перед началом сезонных пиков занятости, а инструменты контроля – уже в периоды выполнения интенсивных сельскохозяйственных работ.

При этом контроль не должен ограничиваться только проверкой работодателей. Необходимо построение контура профилактического сопровождения работников, прежде всего сезонных и наименее квалифицированных, т. к. они соглашаются на работу без оформления по Трудовому кодексу не из-за сознательного стремления уйти от уплаты налогов, а вследствие слабой правовой информированности и минимальной оплаты труда. Использование профилактических мер особенно важно в аграрных районах, где социальная дистанция между работодателем и работником меньше, а зависимость работников от работодателей гораздо выше.

Таким образом, снижение масштабов теневой экономики в АПК требует не одной «универсальной меры», а в комплексе с набором инструментов стимулирующего и контролирующего характера с разным горизонтом планирования. В краткосрочном периоде приоритетом должно стать сегментирование сельхозпроизводителей и запуск для них программ формализации, использование инструментов риск-ориентированного контроля и применение жестких санкций к системным нарушителям. В долгосрочном периоде необходимо снижение издержек формализации для микробизнеса, интеграция цифровых контуров прослеживаемости с налоговым и трудовым администрированием, расширение кооперации и консультационной поддержки в режиме реального времени. Следовательно, неформальная активность, вызванная компенсационными эффектами, должна формализовываться через минимальные издержки входа и иные стимулирующие инструменты, тогда как противодействие росту масштабов теневой экономики, обусловленного уклонением от уплаты налогов, должно осуществляться через процедуры контроля и роста трансакционных издержек нарушителей законодательства. Именно такое сочетание мер стимулирующего и административного характера создаст возможности решения проблемы неформальной активности в АПК.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

Андреева И. Г., Метелева М. Г. Тенденции развития современных форм хозяйствования в АПК // *АПК: экономика, управление*. 2014. № 6. С. 31–38.

Andreeva, Irina G. and Marina G. Metelyova. 2014. "Tendencii razvitiya sovremennykh form hozyajstvovaniya v APK" ["Trends in the development of modern forms of management in the agro-industrial complex"] (In. Russ.) *APK: ekonomika, upravlenie [APK: economics, management]*, 6 (June):31–8.

Богдановский В. А. Занятость в семейных хозяйствах сельского населения: масштабы, факторы, перспективы // *Никоновские чтения*. 2007. № 12. С. 409–413.

Bogdanovskiy, Vladimir A. 2007. "Zanyatost' v semejnykh hozyajstvax sel'skogo naseleniya: masshtaby, faktory, perspektivy" ["Employment in rural family farms: scale, factors, prospects"] (In. Russ.) *Nikonovskie chteniya [Nikon readings]*, 12 (December):409–13.

Исаева О. В. Основные факторы, влияющие на развитие различных форм хозяйствования в сельском хозяйстве России // *Региональные агросистемы: экономика и социология*. 2019. № 2. С. 67–76.

Isaeva, Olga V. 2019. "Osnovnye faktory, vliyayushchie na razvitie razlichnykh form hozyajstvovaniya v sel'skom hozyajstve Rossii" ["The main factors influencing the development of different forms of farming in Russian agriculture"] (In. Russ.) *Regional'nye agrosistemy: ekonomika i sociologiya [Regional agricultural systems: Economics and Sociology]*, 2 (June):67–76.

Кондратьева О. В., Слинко О. В. Развитие региональных информационно-консультационных служб и центров компетенций в АПК // *Профессиональное образование в современном мире*. 2023. Т. 13, № 2. С. 299–306. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2023-2-12>

Kondratieva, Olga V., and Olesia V. Slinko. 2023. "Razvitie regional'nykh informacionno-konsul'tacionnykh sluzhb i centrov kompetencij v APK" ["Development of regional information and consulting services and competence

- centers in the agro-industrial complex”] (In. Russ.) *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire [Professional education in the modern world]* 13, no. 2 (June):299–306. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2023-2-12>
- Лайпанова З. М., Халкечев Р. Г. Налогообложение и налоги ЛПХ: отчетность, порядок представления отчетности // *Прогрессивная экономика*. 2024. № 1. С. 5–19. https://doi.org/10.54861/27131211_2024_1_5
- Laipanova, Zulfa M., and R. G. Khalkechev. 2024. “Nalogooblozhenie i nalogi LPH: otchetnost', poryadok predstavleniya otchetnosti” [“Taxation and household taxes: reporting, reporting procedure”] (In. Russ.) *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economics]*, 1 (January):5–19. https://doi.org/10.54861/27131211_2024_1_5
- Латов Ю. В. Российская теневая экономика в контексте национальной экономической безопасности // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2007. Т. 5, № 1. С. 16–27.
- Latov, Yuri V. 2007. “Rossijskaya tenevaya ekonomika v kontekste nacional'noj ekonomicheskoy bezopasnosti” [“Russian shadow economy in context of national economic security”] (In. Russ.) *Ekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta [Economic Herald of Rostov State University]* 5, no. 1 (January):16–27.
- Минаков И. А. Формирование рынка рабочей силы в агропромышленном комплексе // *Вестник Мичуринского государственного аграрного университета*. 2013. № 3. С. 94–98.
- Minakov, Ivan A. 2013. “Formirovanie rynka rabochej sily v agropromyshlennom komplekse” [“Forming market of labour force in agroindustrial complex”] (In. Russ.). *Vestnik Michurinskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Bulletin of Michurinsk State Agrarian University]*, 3 (June):94–8.
- Муханова М. Н. Неформальный сектор в социально-структурных процессах на региональных рынках труда АПК / *Степная цивилизация-2018 : Земля предков: традиции и новации в социально-культурном развитии общества : доклады Конгресса, г. Кызыл – Москва, 7–10 августа 2018 г. : [электронный ресурс] / отв. ред. В. А. Мансуров. Москва – Кызыл : ОО РОС, 2018. С. 205–214.*
- Muhanova, Maria N. 2018. “Neformal'nyj sektor v social'no-strukturnyh processah na regional'nyh rynkah truda APK” [“The informal sector in socio-structural processes in the regional labor markets of the agro-industrial complex”] 205–14. In: Mansurov V. A. (ed.) *Stepnaya civilizaciya-2018 : Zemlya predkov: tradicii i novicii v social'no-kul'turnom razvitii obshchestva [Steppe Civilization 2018: Land of Ancestors: Traditions and Innovations in the Socio-Cultural Development of Society]* (In. Russ.).
- Тимакова Р. Т., Ильяхин Р. В. Цифровые технологии: новые подходы к прослеживаемости зерновых потоков в России // *Цифровые модели и решения : [сетевое издание]*. 2023. Т. 2, № 2. С. 6. <https://doi.org/10.29141/2782-4934-2023-2-2-6>
- Timakova, Roza T., and Ruslan V. Ilyukhina. 2023. “Cifrovye tekhnologii: novye podhody k proslezhivaemosti zernovyh potokov v Rossii” [“Digital technologies: new approaches to the traceability of grain flows in Russia”]. (In. Russ.) *Cifrovye modeli i resheniya [Digital models and solutions]* 2, no. 2 (June):6. <https://doi.org/10.29141/2782-4934-2023-2-2-6>
- Ткаченко Е. А. Альтернативная занятость в аграрном секторе, как направление обеспечения продовольственной безопасности // *Инновационные подходы к развитию науки и производства регионов : сборник научных трудов по материалам Национальной научно-практической конференции, г. Тверь, 12–14 февраля 2019 г. Тверь : Издательство Тверской ГСХА, 2019. С. 345–350.*
- Tkachenko, Elena A. 2019. “Al'ternativnaya zanyatost' v agrarnom sektore, kak napravlenie obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti” [“Alternative employment in the agricultural sector as a direction for ensuring food security”] 345–50. In: *Innovacionnye podhody k razvitiyu nauki i proizvodstva regionov [Innovative approaches to the development of science and production in the regions]* (In. Russ.). Tver' : Izdatel'stvo Tverskoj GSKHA.
- Dell'Anno R. Inequality and informality in transition and emerging countries // *IZA World of Labor*. Bonn : Institute of Labor Economics (IZA), 2016. P. 1–11. <https://doi.org/10.15185/izawol.325.v2>
- Dell'Anno, Roberto. 2016. “Inequality and informality in transition and emerging countries.” *IZA World of Labor*, (January):1–11. <https://doi.org/10.15185/izawol.325.v2>
- (a) De Soto H. *The other path : The invisible revolution in the third world*. New York : Harper & Row, 1989. 214 p.
- (a) Soto, Hernando de. 1989. *The other path: The invisible revolution in the third world* 214. New York : Harper & Row.
- (b) De Soto H. The informals pose an answer to Marx // *Washington Quarterly*. 1989. Vol. 12, № 1. P. 165–172. <https://doi.org/10.1080/01636608909443714>
- (b) Soto, Hernando de H. 1989. “The informals pose an answer to Marx.” *Washington Quarterly* 12, no. 1:165–72. <https://doi.org/10.1080/01636608909443714>
- Hart K. Informal income opportunities and urban employment in Ghana // *Journal of Modern African Studies*. 1973. Vol. 11, № 1. P. 61–89. URL: <http://www.jstor.org/stable/159873>
- Hart, Keith. 1973. “Informal income opportunities and urban employment in Ghana.” *Journal of Modern African Studies* 11, no. 1 (March):61–89. URL: <http://www.jstor.org/stable/159873>

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.